

К.М. КАНТОР. История против прогресса (Опыт культурно-исторической генетики). М., "Наука", 1992, 150 с.

На фоне теперешнего всеобщего антимарксизма, когда бывшие профессора научного коммунизма и политэкономии социализма, по наивности думающие, что правда — это просто прямо противоположное тому, что они говорили раньше, бросились создавать "научный антикоммунизм", книга К.М. Кантора выглядит почти анахронично. Это — книга глубоко убежденного марксиста, в значительной мере экзегетическая.

В то же время книга эта — интересная и оригинальная, заслуживающая не маленькой заметки, цель которой — привлечь к ней внимание, а серьезного разбора (на который автор данной заметки не способен, для этого нужны прежде всего отсутствующие у него глубокие марксоведческие знания). К.М. Кантор создает совершенно необычный и непривычный образ Маркса и марксизма. Маркс у него — предтеча современной культурологии, создатель теории "культурных кодов" наций, воспроизводящих в ходе истории, все в новых и новых формах характерные для них черты культуры и общественной жизни. Объяснение исторических событий через эти "культурные коды", которые, не являются "надстройкой", а принадлежат "к сфере общественного бытия", содержится в многочисленных работах Маркса, в общем-то известных, но по-новому увиденных и прочтенных автором. И то, что принято называть "формациями", связано с "развертыванием" определенного, европейского культурного кода, ибо капитализм и "посткапитализм", социализм, возможны лишь на почве культуры, в прошлом которой была свобода античного полиса и которая пронизана христианством. И только на поздних этапах развития Запада, когда отчетливо выявляется общечеловеческая ценность результатов этого развития, к нему "подключается", с трудом и болезненно, остальной мир.

То, что создает специфику западного социально-экономического развития (и что неразрывно связано с западным культурным кодом) — это наличие больших исторических этапов, когда в обществе господствовал труд не наемных рабочих, не крепостных, не рабов (и не подчиненных в своей хозяйственной деятельности государству и общине крестьян, как на Востоке), а свободных производителей-собственников. Труд их был не "отчужденным", а свободным трудом, включающим в себя элементы творчества и самовыражения. Именно на основе такого труда созданы, по мнению К.М. Кантора, культурные богатства античности и Возрождения. И именно к базирующемуся на таком труде социально-экономическому строю, который должен быть не новой формой восточного государственного регламентирования, а окончательным торжеством уже реализованной в западной истории, хотя и в ограниченной и неполной форме, свободы, стремились Маркс и Энгельс. Социализм для них — это "Возрождение Возрождения", которое, в свою очередь, было Возрождением античности. И как полагает К.М. Кантор, это общество возникает сейчас в Западной Европе и США, где на новой технологической основе, создаваемой прежде всего компьютерной техникой, возрождается свободное производство. Но создание такого общества, если я правильно понял автора, — не результат действия безличных законов, само собой идущего "прогресса", который лишь дает материальные предпосылки для него, но одновременно может вести и к тупику и к катастрофе, а итог "истории", борьбы человека за свободу, реализации этой свободы. И достижение ее — переход от истории к "постистории" (как начало этой борьбы было переходом от предыстории к истории).

Увидел ли К.М. Кантор у Маркса нечто новое, чего не видели другие исследователи и что одновременно не является просто произвольным привнесением в Маркса своих собственных мыслей? Несомненно, да. Можно ли тогда сказать, что Маркс в понимании автора — это наконец адекватно понятый и очищенный от последующих наслоений искажающей его догматической экзегетики, реальный Маркс? На наш взгляд, нет. И дело не в том, что у Кантора такие-то и такие-то неправильности и неточности, а в том, что сама задача "воссоздания истинного содержания" первоначального учения — задача, по вашему мнению, принципиально не реализуемая, ибо такого "истинного содержания" просто нет. Есть сумма текстов, отражающих напряженную и противоречивую мысль основоположников марксизма, которые могут быть интерпретированы и систематизированы очень по-разному, которые создают пространство допустимых интерпретаций, причем для каждого времени и каждой среды это пространство — свое. В период христианской патристики был определенный круг допустимых для данной эпохи и, очевидно, логически равнозначных интерпретаций евангельского учения, внутри которого — арианская, "православная", монофизитская и др. Но лютеровского и кальвиновского и множества кругов позднейших интерпретаций в этом круге не было и быть не могло. Возможность этих новых прочтений, естественно, заложена в евангельском тексте, но для ее реализации нужно другое время, другая культурная ситуация, другой исторический опыт. И хотя нам, конечно, более близки "либеральные" и "добрые" прочтения позднейших эпох, не допускающие, например, преследований еретиков и инквизиции, строго говоря, мы не имеем логических оснований считать их "более правильными", "более адекватными".

То же и с марксизмом. В начале нашего века было пространство логически и исторически возможных интерпретаций Маркса, "допустимых марксизмов", внутри которого — ленинский, каутскианский, троцкистский и другие марксизмы, но "канторовского" там не было и быть не могло. Прочтение тех же текстов автором книги — это прочтение их российским ученым начала 90-х гг. XX в. помнящим о Сталине, Брежневе, Мао Цзедуне и проштудировавшим Тойнби, Парсонса, Бердяева и др. То, что такое прочтение, причем серьезное и искреннее, возможно — очевидно, но что оно более верно, чем другие, тоже серьезные и искренние, — более чем сомнительно. На наш взгляд, постоянно меняющееся, ограниченное для каждого времени и среды, но безграничное в бесконечности времени пространство возможных интерпретаций марксистских текстов, где есть и Ленин и Грамши, и Сталин и Каутский, и Троцкий и Альтюссер, и Кантор и Мао Цзэдун — это и есть "истинное содержание" марксизма.

Степень соответствия авторской интерпретации марксовым текстам, очевидно, может быть предметом споров. Тем более может быть предметом споров соответствие созданной (или воссозданной) Кантором историософской схемы историческим реалиям. Но что, на наш взгляд, бесспорно для всех, кого волнуют судьбы нашей страны и нашей демократии, — это ценность данной книги с позиций сегодняшнего дня и потребностей нашего демократического развития.

В нашем обществе обе исторические идеологии — и наш вариант марксизма и наш вариант христианства — более чем сомнительные опоры демократии, идейный фундамент которой — крайне неглубок и шаток. Это, очевидно, объясняется очень глубокими причинами (тоже "культурным ходом"), и не наша вина, а каша беда. Но к относительной непрочности демократии, порождаемой слабостью ее мировоззренческих и культурных оснований, в последнее время добавляется и другая. Все более похоже, что период "исторического везения", который начался у нас в 1985 г., кончился, и из разных

возможных путей демократического развития мы выбрали все-таки одни из самых глупых. Ибо надо быть крайним исторически фаталистом, чтобы считать, что льющуюся сейчас "на просторах СНГ" кровь и воцаряющуюся на них нищету уж никак нельзя было предотвратить. И только фанатичная вера в грядущий "капиталистический рай" в сочетании со значительной долей своекорыстия может внушить представление, что эта нищета и кровь — мелочь, "щелки, летящие при строительстве храма". Идя по этому пути, мы с неизбежностью порождаем реакцию. И когда мы окончательно поймем, что возвращение в начале XXI в. жизненного уровня 1980 г. - это наша самая радужная перспектива, отдохнем от осточертевшей нам социалистической риторики и пресытимся риторикой антикоммунистической, возрождение в той или иной форме "социалистического идеала" станет неизбежным.

Поэтому для нас особенно важно, чтобы социализм не значил в нашей стране обязательно нечто, прямо противоположное демократии, чтобы у нас была не чисто словесная и искусственная социал-демократическая альтернатива, чтобы в нашем обществе был не только социалистический идеал Нины Андреевой, но и социалистический идеал Карла Кантора. Мы можем по-разному относиться к Марксу и марксизму, но вне зависимости от этого, просто исходя из объективной оценки нашей культурной и исторической ситуации, мы должны признать, что демократическая интерпретация марксизма необходима для нашей слабой и непрочной демократии, и пожелать, чтобы с этой книгой произошло то, что много раз происходило в истории с книгами, выглядевшими "анахроничными" в момент их появления, — чтобы у нее было хорошее будущее.

Д.Е. Фурман